НИКО КРЕСТОВСКИ

СВОЛОЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ



Нико Крестовски
Сволочи тоже люди

https://litres.ru/75012649
SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого из нас есть принципы. Особенно когда речь идёт о чужих поступках. Собственные, как правило, требуют учёта обстоятельств.

В новой книге автор препарирует человеческую природу без наркоза. Зависть, лицемерие, эгоизм, злорадство, жадность, месть и двойные стандарты — всё то, что мы великолепно замечаем в окружающих и мастерски оправдываем в себе.

Научная психология, беспощадный сарказм, взрослый юмор и до неприличия знакомые жизненные ситуации.

Это не книга о том, какие люди сволочи и как тебе не повезло среди них оказаться.

Это книга о нас с тобой.

Не обольщайся.

Содержание

Введение 4
Глава 1. СВОЛОЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ 8
Глава 2. СОВЕСТЬ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ 18
Глава 3. ЧТОБ У СОСЕДА СДОХЛА КОРОВА 28
Глава 4. ЧУЖОЕ ГОРЕ. СВОЯ РАДОСТЬ 40
Глава 5. МНЕ МОЖНО 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Нико Крестовски
Сволочи тоже люди

Введение

Представь семейный чат, в котором обсуждают, что нынче совершенно не осталось порядочных людей. Поводом послужила история о мужчине, который продал знакомому автомобиль, прекрасно зная, что коробка передач доживает последние дни. Родственники возмущались, советовали обратиться в суд, вспоминали времена, когда человеческое слово ещё чего-то стоило. Особенно энергично возмущался дядя, который несколько лет назад продал свою дачу с оригинальным представлением о том, где на участке весной заканчивается суша.

О даче в тот вечер никто не вспомнил. Дядя даже предложил выяснить, можно ли привлечь продавца к уголовной ответственности.

С нравственным образом жизни у нас дела обстоят неплохо. Большинство людей вполне способно перечислить свои принципы. Сложности начинаются, когда принцип приходится применять к событию, от которого зависит собственный кошелёк, семейный покой или место на парковке. Тут на помощь приходит объяснение. У некоторых оно появляется

с такой скоростью, будто было заготовлено ещё до поступка.

Человек исключительно высокого мнения о собственной порядочности. Причём иногда для этого ему даже не приходится быть порядочным. Достаточно знать кого-нибудь похуже.

Утаил часть выручки от делового партнёра? Зато не кинул его на всю сумму. Изменил жене? Зато из семьи не ушёл. Нахамил матери? А некоторые вообще с родителями не разговаривают. При наличии достаточно скверного окружения можно прожить мерзкую жизнь с ощущением собственного благородства.

Впрочем, не всякое неприятное качество делает человека мерзавцем. Бывает, что он устал, испугался, не разобрался в происходящем или просто оказался в положении, в котором трудно принять хорошее решение. У меня нет желания отнимать у человечества право на ошибку. Меня гораздо больше занимает наше умение превратить ошибку в достоинство, а заодно объяснить пострадавшему, почему он должен быть благодарен.

У человеческой порядочности вообще много забавных особенностей. В интернете она удивительно воинственна. Защитники вежливости посылают друг друга нахер, сторонники свободы слова требуют заткнуть несогласных, а человек, написавший проникновенный текст о необходимости сочувствовать людям, через несколько минут сообщает водителю такси, что тот тупой, поскольку остановился у сосед-

него подъезда.

За текстом могли стоять самые искренние чувства. Просто водитель подъехал не к тому подъезду, и человечество на несколько минут сократилось до одного неприятного ему лица.

Было бы удобно, если бы злые люди носили какую-нибудь особенную обувь, имели неприятный запах или предъявляли при знакомстве справку об отсутствии совести. Тогда хорошим оставалось бы держаться вместе. К сожалению, у нас одни и те же ботинки, одинаковые паспорта и похожие лица на семейных фотографиях. Среди людей, способных на мерзость, встречаются замечательные отцы, щедрые друзья, приятные собеседники и обладатели почётных грамот. Иногда грамоты выданы заслуженно.

А человек, которого ты терпеть не можешь, в чьей-то жизни может быть единственным, кто приехал среди ночи, когда понадобилась помощь. Тебе он противен, его дочери он дорог. И у каждого из вас есть основания рассказывать о нём совершенно разные вещи.

Поговорим о вещах, которыми люди не любят хвастаться. О зависти к близким, удовольствии от чужих неприятностей, жадности, мелкой пакости, сладком чувстве собственной правоты. О том, как мы распоряжаемся властью, если её выдадут хотя бы в пределах одного кабинета. И о том, почему человеку, который решил отомстить, нередко хочется назвать своё занятие восстановлением справедливости.

Если ты купил эту книгу с целью выяснить, что не так с твоими родственниками, имей в виду: я не возражаю против продажи ещё одного экземпляра кому-нибудь из них. Интересно будет потом послушать ваши отзывы друг о друге.

Люди замечательны не только своим эгоизмом. Мы выкармливаем чужих детей, вытаскиваем незнакомцев из неприятностей, заботимся о больных, делимся деньгами, которых самим не хватает. И если бы человеческая доброта была сплошным притворством, мы бы давно передохли. Объяснять любой хороший поступок скрытой выгодой ничуть не умнее, чем верить в доброту каждого, кто умеет ласково разговаривать. Оба занятия позволяют не вникать в подробности.

Поэтому будем разбираться в подробностях. Реальные исследования я буду обозначать ссылками, бытовые истории в книге преимущественно вымышлены. У них иная задача: показать ситуацию, знакомую без специальных приборов и университетского образования.

Думаю, поначалу будет весело. Человечество предоставляет для юмора исключительно богатый материал. Правда, мы с тобой в этом материале тоже присутствуем.

Глава 1. СВОЛОЧИ ТОЖЕ ЛЮДИ

В воскресенье мужчина привёз пожилой матери продукты. Поменял лампочку в ванной, разобрался, почему телевизор перестал показывать нужные каналы, оставил ей денег. На обратном пути заехал на заправку, где совершенно незнакомая девушка имела несчастье медленно расплачиваться на кассе. Мужчина громко предложил ей научиться пользоваться банковской картой, а кассиру посоветовал не брать на работу дебилов.

Вечером мать рассказала соседке, какой у неё заботливый сын. Девушка на заправке рассказала подруге, какой сегодня попался мудак.

Если свести этих двух женщин за одним столом, они, вероятно, до вечера будут пытаться объяснить друг другу, что собеседница ошибается в человеке. А мужчина тем временем спокойно поужинает.

Привычка оценивать человека целиком доставляет немало хлопот. Он помог нам с ремонтом, следовательно, порядочный. Обманул нас при продаже квартиры, следовательно, подонок. Последний вывод я бы не рекомендовал оспаривать в разговоре с пострадавшим: человек только что лишился денег, ему, мягко говоря, не до тонкостей психологии. Но если мы хотим понять, почему люди вытворяют то, что вытворяют, одних характеристик маловато.

В самом деле, назвав человека жадным, мы ещё ничего не выяснили о пределах его жадности. Тот, кто не желает скинуться на подарок уборщице, может купить сыну машину. Он вовсе не утратил способность расставаться с деньгами. Просто круг людей, чьё благополучие ему небезразлично, имеет определённый размер. Снаружи этого круга тоже кто-то живёт, но на тех граждан расходы не предусмотрены.

Круг у каждого свой. Один готов отдать последнее семье, другой не бросит приятеля, третий трогательно заботится о животных, а с пожилым отцом общается раз в полгода и преимущественно по вопросу наследства. Не обязательно выбирать, какое из этих качеств настоящее. Настоящими бывают все.

Дело осложняется тем, что мы видим человека в неодинаковых обстоятельствах. Сослуживцы знают спокойного и вежливого мужчину, дома его жена иногда боится начать разговор о деньгах. На работе за хамство можно лишиться должности, дома в течение многих лет сходило с рук. Почему коллега должен считать его деспотом? Коллеге он действительно не хамит. И почему жена должна поверить коллективу, что перед ней душевнейший человек? Коллектив с ним квартиру не делит.

В молодости многим кажется, будто подлинный характер человека выясняется в какой-нибудь чрезвычайной ситуации. В беде, на войне, во время болезни, при крупной финансовой неприятности. Но необыкновенно много о нём можно

узнать, просто посмотрев, как он обращается с теми, кого не опасается потерять. Хорошее отношение к начальнику мало что стоит. Начальник ежемесячно участвует в оплате твоей жизни, с ним желательно дружить хотя бы по средам. А вот уборщица, которую можно безнаказанно унизить, представляет совершенно иной интерес для наблюдателя.

Существует популярный совет: присмотрись, как мужчина обращается с официантами. Совет хороший, только официант в ресторане видит его два часа. Мужчина, знающий правила свиданий, за это время способен ни разу никому не нахамить. А на двадцатом телефонном разговоре с матерью о том, как переключить телевизор, правила свиданий уже не действуют. И чаевые за терпение никто не оставит.

Один эпизод редко даёт исчерпывающую характеристику. Зато повторяющаяся возможность выбора кое-что показывает. Ведёт ли себя человек прилично тогда, когда это неудобно? Признаёт ли обязательства, когда их исполнение ему невыгодно? Способен ли уважать чужое достоинство, если это достоинство не обладает ни деньгами, ни влиятельными родственниками? Тут перед нами уже не фотографии с благотворительного вечера, а живой человек в рабочем состоянии.

У порядочности есть досадный недостаток: время от времени приходится чем-нибудь платить. Деньгами, временем, комфортом, хорошим отношением нужных людей. Пока цена невелика, убеждения сравнительно легко сохранять. Не

брать чужого приятно, когда своего хватает. Защищать друга в разговоре несложно, когда собеседник тебе безразличен. А теперь допустим, что о друге скверно отзывается человек, от которого зависит твоё повышение.

— Да он у нас, если честно, работать не умеет.

Ты знаешь, что умеет. Вы три года сидели за соседними столами, он вытаскивал половину отдела. Но тут руководитель небрежно интересуется твоим мнением. В сущности, можно ничего не говорить. Можно слегка улыбнуться, потому что улыбка ещё не свидетельские показания. И ведь ты не утверждал, что приятель плохой специалист. Ты просто не помешал разговору принять нужное начальнику направление.

Когда человек представляет себя в подобной ситуации заранее, он почти всегда успевает составить хорошую речь. В действительности времени на сочинение речи дают секунды, а заработная плата приходит раз в месяц. Эти два обстоятельства существенно обогащают наши представления о нравственности.

В 1973 году американские психологи Джон Дарли и Дэниел Бэтсон провели исследование с участием студентов богословской семинарии. Студентам предстояло пройти в другое здание, а по дороге встретить человека, который выглядел нуждающимся в помощи. Одни участники располагали временем, другим сообщили, что они опаздывают. Спешившие останавливались реже. Даже подготовка выступления о доб-

ром самаритянине сама по себе не гарантировала, что студент окажет помощь [1].

Не стоит объявлять на основании одного небольшого эксперимента всех богословов лицемерами. Здесь интереснее другое. У человека могут быть искренние нравственные убеждения, но в конкретную минуту его поведением распоряжается ещё и расписание. Мы охотно думаем о собственных принципах вне расписания, вне очередей, вне усталости и отсутствия денег. И обнаруживаем в этих исключительно удобных условиях удивительно достойную личность.

Проверь, какой замечательный характер у тебя в отпуске, когда выспался, пообедал и никто не требует до вечера переделать работу. Потом сравни с характером в пробке, где телефон разряжается, ребёнок хочет писать, а машина впереди уже третий раз пропускает возможность перестроиться. Понятное дело, пробка ещё не индульгенция. Но если мы собираемся жить среди людей, желательно знать, что у них существует нервная система, которая периодически работает отвратительно.

Есть и другой сорт неприятных поступков. Тут человек никуда не опаздывает, отлично себя чувствует, имеет время подумать и всё равно делает гадость. Например, продаёт вещь со скрытым дефектом. Подыскивает покупателя, отвечает на вопросы, уверенно сообщает, что всё в порядке. На последней стадии сделки он уже не случайный участник чужой неприятности. Он её организатор.

Бывает, что и такой человек не испытывает особенных нравственных затруднений. У него есть дети, которым нужны деньги. У покупателя была возможность проверить вещь. Цена и так ниже рыночной. Дефект, может быть, проявится только через год. Все эти соображения совместимы с искренней любовью к собственным детям. Только почему-то ремонтировать вещь предстоит не детям.

В двадцать лет он, по собственному признанию, был дураком: старался соблюдать договорённости, платил людям обещанное, отвечал на неудобные звонки. К сорока поумнел. Теперь на том конце провода нередко стоят двадцатилетние дураки, которых ему предстоит научить жизни. Самое занятное, что под конец урока у преподавателя обычно прибавляется денег. Ученикам достаётся жизненный опыт.

Сволочью человек может быть не по бедности, не от усталости и не вследствие трудного детства. Ему может быть просто выгодно. Не вижу причин искать трагическое прошлое у каждого, кто нашёл удобный способ нажиться на окружающих. Достаточно того, что способ удобный и до настоящего момента всё получалось.

Но с объяснениями человеческого поведения мы часто впадаем в крайности. Либо объявляем человека прирождённым чудовищем, либо после выяснения его мотивов почему-то готовы отменить последствия поступка. Продавец обманул, потому что боялся потерять деньги. Прекрасно, теперь понятно, зачем обманул. Деньги покупателю от этого

вернулись?

Объяснение и оправдание различаются примерно так же, как заключение о причине пожара и решение о возмещении ущерба. Первое помогает разобраться в произошедшем, второе касается того, кто будет за это отвечать. Если мы выяснили, почему человек поступил скверно, нам необязательно теперь предоставлять ему право повторять процедуру.

И всё-таки мне хочется защитить человечество от любителей утверждать, что никакой настоящей порядочности не существует. Они напоминают человека, который обнаружил несколько фальшивых купюр и на этом основании объявил бессмысленным использование денег. Да, люди способны изображать участие. Но способны и участвовать, причём без всякого спектакля.

Кто-то оплачивает лечение бывшей супруги, с которой давно развёлся. Кто-то кормит соседскую собаку, пока хозяина держат в больнице, хотя хозяин при этом неприятнейший тип. Кто-то месяцами ездит через город к другу, который после болезни с трудом разговаривает и вряд ли сможет когда-нибудь отплатить за визиты. У стороннего наблюдателя всегда найдётся объяснение, почему это якобы делается исключительно ради собственного удовольствия. Но если уж считать удовольствием всё, ради чего человек готов изменить своё поведение, понятие становится настолько широким, что объяснять им можно хоть строительство канализации.

Допустим, тебе приятно помогать. Что теперь? В следующий раз, когда соседка попросит занести тяжёлую сумку, предварительно испортить себе настроение, чтобы поступок считался по-настоящему добрым? Я бы не стал предъявлять к чужой доброте таких диковинных требований. Если человек получает удовольствие от того, что кому-то стало лучше, пусть, ради бога, не лечится от этой особенности характера.

Гораздо интереснее наши отношения с благодарностью. Представь двух людей, которые помогли с одинаковым трудным переездом. Первый устал, вечером принял душ, поужинал и лёг спать. Второй на следующие выходные собирается попросить приятеля о встречной услуге. Ничего скверного во втором нет: взаимная помощь нормальна. Проблема начнётся, если он решит, что перенос дивана подарил ему пожизненное право вмешиваться в чужие решения. Однажды из мебели возникнет какая-нибудь обязанность, о которой хозяин мебели до сих пор не подозревал.

С этим мы ещё столкнёмся. Человеческие отношения не становятся грязными от одного наличия интересов. Они становятся неприятными, когда человеку хочется пользоваться выгодами обмена, но обсуждать обмен он считает ниже собственного достоинства. Ему подавай высокие отношения. Желательно почти даром.

А что делать с человеком, которого все называют хорошим, но который поступил с тобой отвратительно? Можно перестать интересоваться всенародным голосованием по по-

воду его характера. Если родственники любят его, пусть любят. Если у него пять тысяч благодарных клиентов, не нужно разыскивать их и переубеждать. Тебе ведь предстоит решать не вопрос о присвоении ему звания заслуженного мерзавца, а вопрос о том, будешь ли ты иметь с ним дело. Для этого иногда достаточно собственных обстоятельств.

Точно так же чужая неприязнь не обязывает тебя объявить плохим человека, который до сих пор вёл себя с тобой прилично. Но неплохо бы услышать, что именно произошло. Вполне возможно, тебя попросту вовлекают в старую семейную войну, а возможно, предупреждают о реальной опасности. Разница существенная. Чужое мнение не должно становиться приговором, но и собственный хороший опыт не является пожизненной гарантией.

На школьном собрании учительница предложила собрать деньги на экскурсию. Один из отцов громко возмутился: не все семьи могут себе это позволить. Он говорил убедительно, остальные притихли. Через неделю дети всё-таки поехали, причём за нескольких заплатили добровольцы. В автобусе выяснилось, что сын того самого отца не хочет сидеть с мальчиком, чьи родители не сдали деньги. Дома отец объяснял ему, что некоторые люди привыкают жить за чужой счёт. Видимо, благородные соображения, высказанные на собрании, не распространялись на рассадку детей.

Мне в этой истории интереснее всего мальчик. Он усвоил две вполне совместимые вещи: на публике следует защищать

слабого, а когда распределяют места рядом с собой, можно руководствоваться другими соображениями. Если отец действительно хотел воспитать уважение к людям, ему придётся не столько объяснить сыну, что такое уважение, сколько посмотреть, как сам обращается с теми, кого только что защищал. Детям, как назло, доступно гораздо больше информации о наших принципах, чем нам хотелось бы. Они присутствуют и на собрании, и дома.

В автобусе мальчик уступил женщине место. Мать, стоявшая рядом, улыбнулась и поправила ему воротник. На следующей остановке в автобус вошёл мужчина с огромным пакетом, задел мать локтем и извинился. Она принялась выяснять, откуда берутся такие придурки. Мальчик смотрел на неё, а потом на мужчину. Ему только что показали два способа обходиться с людьми, и оба продемонстрировал один и тот же взрослый.

Порядочность, по-моему, вообще не звание. Её нельзя присвоить человеку в четверг и дальше до конца жизни учитывать в качестве надбавки. У него будут другие четверги, другие обстоятельства, новые соблазны и очередные люди, с которыми предстоит о чём-нибудь договориться. Вот тогда и посмотрим.

Я бы и за себя в этом отношении поручился ненадолго.

Глава 2. СОВЕСТЬ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Один из самых странных разговоров, которые можно услышать между взрослыми людьми, начинается с вопроса: «Ты бы на моём месте как поступил?» Обычно его задают уже после того, как поступили. От собеседника теперь требуется выполнить небольшую, но ответственную работу: подтвердить, что вариантов, по существу, не существовало.

— Я ему сказал, что больше денег нет. А что мне было делать?

— Отдать, ты же обещал.

— Да ты не понимаешь, какая у меня сейчас ситуация.

При этом собеседник всё-таки имел неосторожность ответить на заданный вопрос. Знал бы он, что от него требуется согласие, можно было бы не откладывать вилку и продолжать ужинать. Разговор от этого едва ли много потерял бы.

Любопытна сама фраза «не было другого выхода». Иногда она совершенно справедлива. Иногда означает, что другой выход существовал, но требовал продать мотоцикл, отказаться от отпуска или выслушать неудовольствие жены. Всё перечисленное человек перенёс на постороннего гражданина, которому должен денег. Собственный мотоцикл при этом остался на прежнем месте. Выход всё-таки нашёлся.

В таких разговорах мы нередко перебираем обстоятельства не для того, чтобы разобраться в произошедшем, а для того, чтобы решить, насколько прилично выглядели в его центре. И обстоятельства удивительно быстро подстраиваются под желаемый результат. Человека, которого мы обманули, мы вдруг вспоминаем не слишком симпатичным. Договорённость обнаруживает изъяны. Время становится чрезвычайно тяжёлым, хотя вчера оно считалось подходящим для покупки мотоцикла.

Совесть вообще не очень напоминает встроенный детектор лжи. Скорее это способность испытывать неприятные чувства и оценивать себя с точки зрения усвоенных представлений о допустимом. Но ведь оценивать приходится нам же. Если мы способны пересмотреть описание события, объяснить его необходимостью или перестать замечать чужие потери, повод для угрызений может исчезнуть вместе с первоначальным описанием.

Психолог Альберт Бандура подробно рассматривал способы, которыми люди ослабляют действие собственных нравственных ограничений. В его работе 1999 года речь идёт, в частности, об оправдании вреда достойной целью, смягчающих названиях, переносе ответственности, преуменьшении последствий и обвинении пострадавших [2]. За длинным научным названием скрываются довольно знакомые бытовые процедуры.

Не обманул покупателя, а грамотно провёл переговоры.

Не унизил подчинённого, а воспитал характер. Не подставил товарища, а защитил интересы семьи. Сами события при этом не изменились. Изменилась должность человека внутри собственной истории. Только что он был виновником неприятностей, а теперь числится ответственным за семейное благополучие.

Название занятия иногда имеет поразительное значение. Представь отца, который в течение двадцати минут кричал на сына, называл его тупым, а затем хлопнул дверью. Спроси, чем занимался. «Воспитывал». Удобное слово. Под него можно подвести невероятное количество действий, которые в исполнении чужого человека он предпочёл бы назвать издевательством. Если бы такой разговор состоялся в школе между его сыном и учителем, отец, вероятно, проявил бы гораздо больший интерес к тонкостям педагогики.

Существует огромная разница между объяснением ребёнку того, что он сделал неправильно, и сообщением ребёнку того, что он из себя представляет. В первом случае имеется предмет разговора. Во втором предлагается в кратчайшие сроки исправить всю личность. Попробуй, кстати, сам устранить собственную тупость к четвергу. Неплохое упражнение для родителей с большими планами на детскую психику.

Я не сомневаюсь, что отец желает сыну хорошего будущего. Сыну от этого, однако, не становится приятнее стоять посреди комнаты и слушать о собственном ничтожестве. Любовь отца к ребёнку может быть реальной. Но качество вос-

питания она не удостоверяет. Желать хорошего и делать хорошее вообще разные специальности, хотя в семейной жизни их почему-то регулярно совмещают без предварительного обучения.

Есть способ попроще, чем менять название поступка. Достаточно отыскать более скверный поступок, который ты мог бы совершить, но не совершил. В результате обычное нарушение договорённости получает вид проявленного великодушия. Начальник, не выплативший обещанную премию, напоминает, что в другой компании людей и вовсе увольняют. Супруг, на протяжении нескольких лет изменяющий жене, считает, что проявляет заботу, поскольку она ни о чём не догадывается. У человека открывается любопытная возможность получать нравственные баллы за всё плохое, чего он пока не сделал.

Тогда у меня, пожалуй, имеются основания претендовать на звание выдающегося гражданина. За сегодняшний день я не ограбил ювелирный магазин, не угнал автобус и не ударил ни одного сотрудника коммунальных служб. Даже немного неловко за человечество, которое до сих пор не прислало мне грамоту.

А вот и более тонкая операция: оценить поступок с точки зрения намерения, а не последствия. Здесь я бы не стал отбрасывать намерение совсем. Случайно толкнуть человека в толпе и намеренно столкнуть его с дороги действительно не одно и то же. Но если ты уронил чужую сумку в лужу, обсто-

ятельства не мешают тебе помочь поднять её. Твоё искреннее нежелание причинить неудобство желательно дополнить каким-нибудь движением руки.

Некоторые же сначала объясняют, что они хорошие люди, потом огорчаются чужому недовольству и наконец сами требуют извинений. Так беседа возле лужи может закончиться тем, что пострадавший будет успокаивать человека, уронившего его сумку. Вещи из воды, впрочем, всё равно придётся достать.

В 1999 году Дэниел Бэтсон с коллегами опубликовал исследование нравственного лицемерия. Участникам предлагалось распределить между собой и другим человеком задания с разными последствиями. Можно было использовать монету, чтобы выбор считался случайным и справедливым. Но даже в варианте с чётко обозначенными сторонами монеты распределение у тех, кто её бросал, получилось далеко не справедливым. Авторы рассматривали, в частности, нашу склонность избегать сопоставления реального поведения с собственными нравственными требованиями [3].

В эксперименте особенно занятна судьба монеты. Вроде бы человек уже нашёл способ не мучиться выбором. Если ему досталось выгодное задание, великолепно. Если невыгодное, придётся с этим смириться. Но как же трудно иногда позволить справедливой процедуре сработать, когда она работает против нас.

Вот семейство решило честно поделить имущество после

смерти бабушки. Все согласились, что сначала нужно оценить вещи, затем договориться, кто что забирает. И всё идёт превосходно, пока один из родственников не обнаруживает, что дедовские часы, которые он ещё в детстве собирался носить, стоят существенно дороже остального барахла.

— Мы же семья. Зачем всё переводить в деньги?

— А когда мы оценивали сервант, почему тебя это не смущало? — мог бы поинтересоваться кто-нибудь из родственников. Вряд ли ему простят такую бестактность в разгар разговора о семейных ценностях. Часы, разумеется, ценность тоже семейная, только носить их собирается один человек.

Ничего страшного, если остальные действительно хотят подарить ему часы. Вопрос только в том, останется ли у них право этого не хотеть. Если обсуждение сразу сопровождается обвинениями в жадности, возникает сомнение, что речь идёт о подарке. Скорее человек решил избавить себя от расходов на покупку желанной вещи за счёт нравственного воспитания родственников.

У денег есть полезное для наблюдателя качество. Они позволяют увидеть, кто конкретно выигрывает от торжественной речи. Слова могут быть красивыми и даже выражать искренние чувства, но если по окончании речи у одного человека прибавляется имущества, а у остальных прибавляется обязанностей, неплохо бы обсудить и это обстоятельство. Нравственность не должна отменять возможность пользоваться калькулятором.

На семейном ужине однажды может возникнуть спор об очереди. Кто-то возмущён тем, что в поликлинике перед ним провели знакомого врача. Все соглашаются, что это свинство. Через месяц тому же человеку нужно срочно записать мать на обследование. Он звонит двоюродной сестре, которая работает в больнице. Если есть свободное время, замечательно. Но если для матери потребуется отменить чужую запись, стоит хотя бы узнать, кто сегодня окажется в той очереди. У него тоже может быть пожилая мать.

Мне интересен именно этот момент, когда из общего правила надо извлечь совершенно определённого человека. Пока правило касается неизвестных пациентов, соблюдать его нетрудно. Когда в списке появляется собственная фамилия, мы начинаем ценить гибкость медицинской системы. Причём рассуждать о нехватке мест по-прежнему можно с тем же возмущением. Не обязательно даже считать себя непоследовательным. Достаточно никогда не ставить эти два разговора рядом.

У одной женщины в шкафу несколько лет лежала блузка с этикеткой. Она купила её дочери, дочери не понравился цвет, а возвращать вещь было поздно. Когда понадобилось поздравить коллегу, женщина достала блузку и отнесла в подарочном пакете. Никакой подлости в этом ещё нет. Но коллега через несколько дней захотела поменять размер и спросила, где магазин. Дарительница сообщила, что не помнит. Потом, оставшись с приятельницей наедине, назвала полу-

чательницу неблагодарной: ей, видите ли, ещё и размер не подошёл. А ведь до этого момента блузка занимала в жизни дарительницы ровно одну полку, которую давно хотелось освободить.

Удобное свойство подобных объяснений состоит в том, что они меняют не только представление о прошлом, но и содержание текущего разговора. Уже не надо вспоминать, когда купили вещь, зачем её подарили и почему нельзя обменять. Можно обсуждать человеческую неблагодарность. Приятельница даже согласится, поскольку у неё тоже имеется коллега, которой что-нибудь не понравилось. И вот за одним столом две женщины с серьёзным видом говорят о нравственном упадке, хотя начиналось всё с неудачного размера одежды.

Ещё один любимый довод человечества: «А кто бы на моём месте поступил иначе?» Удивительно самоуверенное заявление. Откуда ты знаешь? Ты успел опросить людей, поставить их в те же условия и дождаться результатов? Как правило, нет. В качестве доказательства человеческой природы выступает собственное решение. Из него следует, что и все остальные наверняка сделали бы то же самое. В результате один человек провёл не особенно честную сделку, а моральную ответственность по ней распределил на население планеты.

Может быть, многие действительно поступили бы так же. И что с того? Если на складе воруют половина сотрудников,

у директора от этого не увеличивается количество товара. Массовость скверной привычки представляет интерес для социолога, но не даёт автоматически права объявить привычку нормальной во всех остальных смыслах.

Есть, правда, обстоятельства, в которых человеку приходится выбирать между двумя плохими решениями. Уволить сотрудника или закрыть предприятие, отказаться от заботы о родственнике или окончательно угробить собственное здоровье, сообщить неприятную правду или подвергнуть другого человека опасности. Не всякая моральная проблема решается красивой фразой. Иногда что ни сделай, кому-нибудь будет плохо. И мне было бы странно требовать от человека, оказавшегося в таком положении, идеальной нравственной биографии.

Но между выбором меньшего вреда и заботой о собственном удобстве имеется расстояние. Его иногда приходится измерять не в философских понятиях, а в рублях, часах, выполненных обещаниях и количестве неприятностей, доставшихся другим людям. Если ты регулярно оказываешься в нравственно трудных обстоятельствах, из которых выходишь с прибылью, а окружающие с убытком, я бы хотя бы поинтересовался устройством этих обстоятельств.

Самое забавное, что для исправления многих ситуаций достаточно одной фразы. «Я поступил с тобой скверно». Без перечисления достоинств своего характера и без лекции о несовершенстве окружающего мира. Но человек, который в

состоянии потратить сорок минут на объяснение, почему он не виноват, зачастую не может потратить три секунды на это предложение.

У признания есть один неприятный побочный эффект: другой человек может услышать его и спросить, когда ты вернёшь деньги. С объяснениями в этом смысле куда спокойнее.

А ведь есть неприятности, для которых даже не приходится никого обижать. Сидишь у себя дома, никому не должен, здоровье в порядке, на работе всё спокойно. И тут звонит приятель с хорошими новостями. Вечер испорчен.

Глава 3. ЧТОБ У СОСЕДА СДОХЛА КОРОВА

В небольшом городе жили два брата. Старший работал в автосервисе, младший торговал запчастями. До определённого момента они прекрасно ладили: ездили на рыбалку, помогали друг другу на даче и даже собирались однажды открыть совместное предприятие. Потом младший открыл вторую торговую точку, купил машину и перестал ездить в отпуск к тёще. Старший принялся выяснять, насколько честно в наше время вообще можно торговать запчастями.

— Ты же понимаешь, откуда сейчас такие деньги?

— Откуда?

— Да ладно тебе.

Дальше разговор не продвинулся. Ни один из участников не знал, сколько денег зарабатывает младший брат. Зато все видели автомобиль, и, судя по разговору, именно он проходил по делу в качестве главного вещественного доказательства.

Дело не в том, что старший брат плохо жил. Его зарплата не уменьшилась, жена не ушла, из автосервиса не выгнали. Он по-прежнему мог купить себе всё то, что покупал год назад. Изменилось положение другого человека, причём настолько удачно, что собственная жизнь вдруг ста-

ла выглядеть неудачной. Неприятность имела одну особенность: предъявить претензию непосредственно виновнику было трудно. «Ты слишком хорошо устроился, в связи с чем у меня к тебе вопросы» звучит даже для семейного разговора несколько диковато. Пришлось обсуждать нравственную сторону торговли.

Заметь, как редко человеческая зависть появляется на свет под своим настоящим именем. Человек раздражён высокомерием коллеги, обеспокоен воспитанием племянника, возмущён ценами на недвижимость и совершенно искренне желает справедливости. А вот сказать приятелю, что его новая квартира вызывает желание выпить, почему-то неудобно. Тем более если приятель ещё и пригласил на новоселье. Надо выбирать подарок человеку, которому и без того слишком много досталось.

В 1954 году психолог Леон Фестингер предложил теорию социального сравнения. В частности, его интересовало, каким образом человек оценивает собственные способности и убеждения, когда подходящего объективного мерила нет. Одним из способов служит сравнение с другими людьми [4]. Вопрос о том, хорошо ли ты зарабатываешь, легко решается, если денег не хватает на еду. В остальных случаях ответ нередко зависит от того, кого ты пригласил к себе в гости.

Это объясняет забавную особенность разговоров о зарплате. Представь, что тебе прибавили десять тысяч рублей. Ты доволен. Через пару дней узнаёшь, что коллегам приба-

вили по двадцать. Деньги на твоём счёте не изменились. А вот радость куда-то делась. Более того, ты можешь пойти к начальнику с выражением лица человека, у которого только что десять тысяч отобрали.

Если вы выполняете одинаковую работу, вопрос к начальнику резонный. Размер оплаты в сравнении с другими сотрудниками может сообщить тебе важную информацию о твоём положении. Но есть и другой случай. Прибавку коллеге назначили за работу, которой ты заниматься не хотел. Тебе предложили её полгода назад, ты отказался, поскольку намеревался проводить больше времени с семьёй. Теперь от мысли о его прибавке семейное благополучие почему-то не увеличивается. Ты ведь выбирал не только свободное время. В глубине души тебе хотелось ещё и зарабатывать не хуже остальных.

Собственная жизнь вообще гораздо проще воспринимается, когда не приходится ежедневно знакомиться с альтернативными вариантами её устройства. Ещё недавно человек мог благополучно провести отпуск у реки, пожарить шашлык, обгореть, выпить пива и вернуться домой с ощущением, что прекрасно отдохнул. Теперь по дороге домой он видит фотографию бывшего одноклассника на Мальдивах. Рыбалка, между прочим, была хорошая. Но кто же знал, что её результаты вечером придётся защищать перед самим собой.

Интернет поставляет нам материал для сравнения с утра до ночи. Самое смешное, что выборка совершенно идиот-

ская. Ты сопоставляешь свою квартиру с квартирой человека, занимающегося недвижимостью, собственный внешний вид с внешностью модели, заработок с доходом предпринимателя, а выходные с выходными женщины, которая профессионально снимает видео о выходных. По каждому отдельному показателю найдётся кто-нибудь лучше тебя. Осталось собрать всех этих людей в одну воображаемую личность и выяснить, почему ты ей уступаешь.

Попробуй найти среди знакомых одного человека со всеми этими достоинствами. Не найдёшь. А вот у твоего телефона задача получилась: он собрал тебе из нескольких сотен людей одного идеального соперника, с которым ты теперь зачем-то соревнуешься.

Особенно тяжело бывает переносить успех того, кто ещё вчера находился примерно там же, где ты. Богатство владельца международной корпорации человеку может быть совершенно безразлично. Но если знакомый школьник, с которым они вместе прогуливали физкультуру, вдруг становится успешным предпринимателем, вопрос начинает приобретать личный характер. Они же оба были в одном классе! Как будто при выпуске им выдали одинаковые стартовые возможности, одинаковое здоровье, одинаковые мозги и договор об обязательном равенстве дальнейших результатов.

Вот почему родственники порой так внимательно следят за успехами детей друг друга. Две сестры воспитывали сыновей. Одна рассказывает, что её ребёнок поступил в инсти-

тут. Другая поздравляет, а через час устраивает собственному сыну разбор полётов по поводу оценок. Мальчик вообще-то собирался в колледж и не имеет к поступлению двоюродного брата никакого отношения. Но его внезапно назначили представителем матери на соревнованиях, о существовании которых он не подозревал.

— Посмотри, какие у людей дети.

Иногда мне хочется услышать продолжение этой семейной беседы. Ребёнок мог бы с таким же успехом ответить: «Пап, а ты видел, какие у людей отцы?» Подозреваю, в этот момент родители потеряли бы интерес к сравнительным исследованиям.

К зависти принято относиться как к моральному дефекту. Поэтому люди, впервые обнаружившие её у себя, часто начинают спорить о цвете. Белая, чёрная, какая-то промежуточная. Цветовую гамму оставим художникам. Меня больше интересует, что человеку хочется сделать после того, как он узнал о чужом успехе.

В 2009 году Нильс ван де Вен, Марсель Зеленберг и Рик Питерс опубликовали работу о двух разновидностях зависти. Они обнаружили различия в том, к чему эти переживания побуждают: в одних случаях хочется улучшить своё положение, в других — ухудшить положение того, кому завидуешь [5]. Вроде бы перед нами одна и та же исходная неприятность. Другой оказался лучше в чём-то важном для тебя. Но дальнейшие планы у людей совершенно разные.

Первый узнаёт, что его знакомый научился хорошо фотографировать, и интересуется, как тот учился. Второй с некоторым удовольствием объясняет, что знакомый просто приобрёл дорогую камеру. Владелец дорогой камеры мог бы, конечно, показать ему фотографии, сделанные на телефон. Только зачем? Критерий оценки тогда придётся менять на следующий. Фотографии неплохие, зато в них нет души. Что такое душа применительно к фотографии, приятель уточнит по мере необходимости.

Не всегда хочется обладать именно той вещью, которой обладает сосед. Допустим, тебе вообще не нравится новая машина коллеги: неудобная, дорогая в обслуживании, цвет дурацкий. И всё же ты уже минут десять стоишь на парковке. Мужики заглядывают в салон, начальник спрашивает про двигатель, бухгалтер, с которой ты давно хотел познакомиться поближе, смеётся над шуткой владельца. Кажется, тебе тут совершенно нечего завидовать, кроме того, что ты сам с утра безуспешно пытаешься рассмешить эту бухгалтершу.

Чужое имущество иногда выполняет функцию громкоговорителя, через который его обладатель сообщает окружающим о своём положении. Сами окружающие тоже в этом участвуют. Нельзя произвести впечатление часами на человека, который не знает, сколько они стоят, и не интересуется часами. Поэтому владельцу особенно дорог тот зритель, который разбирается. А зрителю бывает особенно неприятно то, в чём он разбирается. Два человека прекрасно при-

способлены портить друг другу настроение, хотя один всего лишь вышел из дома узнать время.

Подруга ходит на танцы по четвергам. Женщина, которая много лет трудится на двух работах, находит это занятие совершенно идиотским. На вопрос, отчего её вообще волнует чужой четверг, ответить труднее. Может, танцы ей действительно не нравятся. А может, гораздо неприятнее видеть, что кто-то позволил себе вечер, которого она себя лишает. Особенно интересным разговор становится, когда на танцы собирается её собственная дочь. Теперь в программе обсуждения и легкомыслие, и будущее семьи, и состояние экономики.

Возможно, женщина действительно любит работу. Возможно, у неё нет возможности работать меньше. Но бывает, что чужая свобода напоминает человеку о цене, которую он заплатил за собственные решения. И поскольку пересматривать решения поздновато или страшновато, возникает желание, чтобы остальные тоже понесли соответствующие расходы. Иначе получается, что никто не требовал от тебя прожить именно такую жизнь.

У людей есть поразительная способность превращать собственные лишения в общественный стандарт. Я в молодости работал по субботам, значит, молодёжь должна работать по субботам. Я терпела свекровь, следовательно, невестке тоже следует потерпеть. Я в своё время ходил пешком, а эти ездят. С точки зрения прогресса странная постановка вопроса: че-

ловек всю жизнь разгребал неприятности и теперь возмущён перспективой, что следующему поколению разгребать будет меньше.

Разумеется, опыт старших действительно может помочь молодым. У него даже имеется одно замечательное применение: подсказать, каких неприятностей желательно избежать. Но некоторых интересует другой результат. Чтобы поняли, каково было мне. Как будто страдание приобретает особую ценность, когда удаётся организовать его повторное производство.

Среди советов начинающему предпринимателю попадаются удивительные по своей живучести. Приятель открывает кафе. «Ты знаешь, сколько их закрывается?» Нанимает повара. «А если он уйдёт?» Через год дела идут хорошо. Казалось бы, можно поздравить. Но доброжелатель теперь обеспокоен тем, что приятель редко видит детей. Не берусь судить, насколько тот осведомлён о воспитании детей. Зато поразительно, как ловко ему удалось остаться недовольным и до успеха кафе, и после него.

Как отличить такую заботу от нормального совета? Иногда достаточно присмотреться к тому, что случится, если проблема, которой советчик обеспокоен, будет решена. Повар оказался хороший, аренда приемлемая, семья довольна. Искренне обеспокоенный человек должен хотя бы немного обрадоваться. У завистливого, напротив, появляется новая работа: отыскать другую угрозу. Не оставлять же предприя-

тие без присмотра.

Справедливости ради, люди действительно совершают идиотские финансовые ошибки. И родственник, который предостерегает тебя от огромного кредита, может оказаться единственным разумным человеком в комнате. Я бы не стал объявлять завистью каждое неприятное мнение о твоих планах. Особенно если мнение сопровождается конкретными расчётами, а ты пока располагаешь главным образом энтузиазмом. У энтузиазма имеется неприятная особенность: ему трудно звонить кредиторам.

У нас вообще сейчас модно объяснять завистью любые замечания в свой адрес. Выступил неудачно? Люди завидуют. Написал скверную книгу? Конкуренты завидуют. Открыл магазин, в котором покупатели не хотят покупать товар? Общество, судя по всему, не выдерживает твоего успеха. Это удобная теория, поскольку позволяет не учитывать обратную связь. Заодно она утешает: даже когда у тебя ничего не получилось, окружающие всё равно почему-то завидуют.

При обсуждении чужих достижений неплохо различать происхождение результата и своё отношение к нему. Человек получил должность по знакомству? Это может быть действительно несправедливо по отношению к другим кандидатам. Но из этого ещё не следует, что человек тупой, жена у него страшная и на море он наверняка ездит в кредит. Первоначально речь шла о порядке найма. Кто и на каком осно-

вании расширил расследование до состояния всей его личной жизни?

Бывает, что зависть помогает заметить настоящий перекос. Сотрудники узнают, что руководитель распределяет премии исключительно среди друзей. Возмущение здесь легко объяснить без экскурсии по чужому подсознанию. У людей имелись определённые ожидания, основанные на трудовых результатах, и эти ожидания не оправдались. Но если на должность назначили человека, который действительно лучше справляется с обязанностями, возмущение может выглядеть почти так же. Снаружи обе группы недовольных граждан имеют совершенно одинаковые лица. Разбираться приходится в обстоятельствах.

Не всякое неравенство несправедливо. И далеко не всякая несправедливость существует исключительно в голове завистливого гражданина. Жизнь была бы гораздо проще, если бы мы умели отличать одно от другого до того, как выплеснули возмущение на окружающих. Но тогда часть семейных застолий оказалась бы значительно короче.

В дружбе зависть бывает особенно неловкой. Ты знаешь, сколько приятель работал, знаешь, что он заслужил успех, даже помогал ему в начале. И всё равно при известии о его достижении что-то неприятно кольнуло. Здесь очень удобно устроить расследование собственной порядочности, как мы уже обсуждали в предыдущих главах. Только чувство не является поступком. Ты можешь поздравить человека, прове-

сти с ним вечер, а потом дома признаться себе, что тоже хотел бы оказаться в его положении. Друг от этого не потеряет ни денег, ни радости. Если же ты начнёшь выяснять, насколько его радость обоснованна, последствия будут ощутимыми: он просто перестанет рассказывать тебе хорошие новости.

Многие дружеские отношения превосходно приспособлены к беде. Можно позвонить, пожаловаться, напиться, поплакаться. А вот проверить, умеете ли вы вместе переносить благополучие одного из вас, порой удаётся только спустя годы. И некоторые друзья обнаруживают, что всё это время неплохо относились друг к другу при условии соблюдения определённой дистанции в доходах, привлекательности и жизненных результатах.

Когда дистанция исчезает, меняются и разговоры. Приятель реже приглашает тебя к себе, ты реже интересуешься его делами. Может, вы оба просто заняты. Но если при каждой встрече тебе хочется напомнить ему, каким он был до своих успехов, спроси себя зачем. Он и сам помнит, как вы жили.

Некоторым людям особенно важно, чтобы преуспевший знакомый оставался благодарен им за былое знакомство. Ты раньше давал ему советы, он теперь зарабатывает больше тебя, но во время встречи по-прежнему должен изображать ученика. Иначе как объяснить себе новое распределение ролей? Тут и возникает замечательный человек, который два-

дцать лет назад дал будущему владельцу предприятия взаймы тысячу рублей, а сегодня с видом соучредителя обсуждает его коммерческие решения.

В детстве нас учили делиться игрушками. Неплохо было бы ещё научиться не требовать, чтобы другой ребёнок ломал свои игрушки только потому, что у нас таких нет. Взрослым этот навык пригодился бы не меньше.

Не обязательно радоваться каждому чужому достижению. Тебе совершенно ни к чему изображать восторг по поводу ремонта знакомого. Но если хочешь такой же ремонт, интересуйся его сметой, а не недостатками его характера.

Беда в том, что приобретение своей коровы требует времени, денег, усилий и места, где её содержать. Соседскую же можно мысленно похоронить прямо за завтраком. Выходит быстрее. А если она действительно сдохнет, человек получает ещё и странное удовольствие, о котором в приличном обществе не принято распространяться.

Глава 4. ЧУЖОЕ ГОРЕ. СВОЯ РАДОСТЬ

На работе появился новый руководитель отдела. Очень любил рассказывать о компетентности, опаздывал на совещания и разговаривал с подчинёнными так, словно лично содержал их семьи. Через несколько месяцев выяснилось, что один из его проектов провалился. В кабинете, где сидели сотрудники, стало гораздо веселее, хотя ни одному из присутствующих за это обстоятельство не прибавили зарплату. К концу дня коллектив даже купил торт. Формально у одного из работников был день рождения. Но день рождения у него был на прошлой неделе, и прежде коллеги собирались обойтись печеньем.

Сотрудников понять несложно, особенно если руководитель и в самом деле был неприятным человеком. Только у человеческого злорадства давно существует зрительный зал, где большинство присутствующих с героями лично не знакомы. Супруги после ужина устраиваются перед телевизором и смотрят, как разводится какая-нибудь знаменитая пара. Он считает, что мужик придурок, она убеждена, что жена давно всё делала неправильно. К концу передачи оба в удивительном согласии. За весь день, между прочим, первый случай. Иногда чужие отношения действительно помогают соб-

ственным, хотя вряд ли именно таким способом это предполагалось.

Злорадство — одна из тех эмоций, которым трудно обеспечить приличную биографию. Злиться можно из-за несправедливости. Печалиться из-за потери. Бояться опасности. А тут потеря произошла у другого, и почему-то стало приятно тебе. Признаться в подобном ощущении не особенно удобно, поэтому мы быстро находим ему подходящий повод. Человек, скорее всего, заслужил неприятности. Если он ещё не заслужил, можно немного поискать в его прошлом.

Слово «заслужил» вообще обладает удивительными возможностями. Оно позволяет смотреть на один и тот же результат с совершенно разным настроением. У человека украли деньги. Сочувствуем. Потом узнаём, что он сам когда-то обманывал покупателей. Настроение меняется. Сумма украденного прежняя, способ кражи тот же, преступник никуда не исчез. Зато появилось обстоятельство, благодаря которому можно ощутить некоторую удовлетворённость.

В 2005 году Вилко ван Дейк и его коллеги исследовали связь между злорадством и представлениями о заслуженности чужой неприятности [6]. Их работа поддержала идею, что удовольствие от чужой неудачи зависит, в частности, от того, насколько справедливой нам кажется эта неудача. Это важное уточнение. Люди могут испытывать злорадство не только по отношению к тем, кому завидовали. Иногда им кажется, что наконец восстановился порядок вещей.

Однако есть разница между восстановлением порядка вещей и восстановлением хорошего настроения у наблюдателя. На дороге водитель подрезал тебя, а через несколько километров его остановили инспекторы. Ты доволен. Здесь тебя радует, возможно, то, что неприятный участник движения столкнулся с последствиями своего поведения. Но если он чуть дальше задел чужую припаркованную машину, трудно утверждать, что мир стал справедливее. Владелец припаркованной машины в вашем конфликте вообще не участвовал. А удовольствие у тебя, допустим, осталось.

Справедливость здесь не всегда главная забота. Если у обидчика случится беда, человек порой радуется, хотя пострадали ещё трое, с которыми он прежде был в хороших отношениях. У одного отняли работу, у другого задержали деньги, третий вообще оказался рядом случайно. Но весть о неприятностях нужного человека всё равно приятно читать. При чём тут справедливость для остальных троих?

Приятель развёлся с женой. Бывшие супруги делят имущество, нервничают, договариваются о встречах с детьми. Один из родственников мужа уже месяц пребывает в прекрасном расположении духа. Он никогда не любил эту женщину. Теперь каждый разговор с братом превращает в обмен сведениями о том, насколько скверно она устроилась. Если женщина заболела, это судьба. Если возникли проблемы на работе, закономерность. А если детям трудно привыкнуть к новому распорядку, об этом лучше поменьше гово-

рить. Слишком портит общую картину торжества справедливости.

Человек, который хочет разобраться в случившемся, собирает разные сведения. Человек, которому хочется порадоваться, тоже собирает сведения. Только второму желательно отбирать такие, от которых радость не пострадает.

Бывает, человек в молодости занимался спортом, но далеко не продвинулся. Кто-нибудь из его бывших соперников, напротив, сделал себе имя. Наш герой продолжает следить за соревнованиями. Ему не нравится манера соперника давать интервью, не нравятся тренер, поклонники, спонсоры. Когда тот проигрывает, мужчина с удовольствием досматривает соревнование, а вечером находит ещё и запись. Как давно ему самому не удавалось получить от спорта столько удовольствия! И ведь ради этого уже совершенно не обязательно вставать с дивана.

В исследовании Ричарда Смита и его коллег, опубликованном в 1996 году, искусственно вызванная зависть повышала склонность участников испытывать удовольствие от последующей неудачи человека, которому они завидовали [7]. Само по себе это не означает, что любой завистливый человек радуется любой неприятности конкурента. Зато позволяет понять, почему чужой проигрыш иногда ощущается почти как собственный выигрыш. Когда нас мучает не столько отсутствие успеха, сколько положение рядом с успешным человеком, его падение способно ненадолго избавить нас от

этого неприятного сравнения.

Отсюда, кстати, берётся удивительный способ подбадривать людей. Женщина рассталась с мужчиной. Подруги выясняют, что его новая пассия якобы не особенно хороша собой. Все радуются. В каком смысле это помогло женщине? Мужчина домой не вернулся, совместные планы не восстановились, а деньги за отменённую поездку ещё предстоит получить обратно. Но появилась возможность хотя бы немного улучшить положение в сравнении с другой женщиной. Для развлечения за ужином этого порой хватает. Для устройства собственной дальнейшей жизни — вряд ли.

У человеческой радости имеется ещё одна странность: свидетели иногда способны испортить её одним вопросом. Ты смеялся над видеороликом, в котором незнакомый человек нелепо упал. Рядом сидящий знакомый спрашивает, не ушибся ли он. И вдруг приходится пересматривать ролик с совершенно другим вниманием. Сначала ты видел комичное движение. Теперь видишь колено, о которое человек ударился. Ролик остался тем же. Поменялся предмет твоего внимания.

Комедия вообще неотделима от человеческих неприятностей. Герои теряют штаны, опаздывают на поезд, попадают в неловкие ситуации. Мы смеёмся над ними, и вовсе не обязательно из-за тайного желания, чтобы все окружающие пострадали. Удачно устроенный комический эпизод позволяет на время воспринимать неприятность как нечто неопас-

ное. Но одно дело — смеяться над человеком, который сам рассказывает, как по ошибке пришёл на свадьбу на неделю раньше. И другое — с удовольствием распространять фотографию растерянного человека, которого публично унизили и который просит удалить снимок. Во втором случае существенная часть развлечения заключается в том, что остановить его герой не может.

С возрастом у некоторых появляется забавное представление о чувстве юмора. Если им смешно, собеседнику положено быть довольным. Если он недоволен, значит, у него нет чувства юмора. Такой критерий обладает одним техническим достоинством: человеку никогда не приходится пересматривать качество собственных шуток. Всегда можно сменить аудиторию или объявить прежнюю занудной.

Вот компания друзей. Один из мужчин плохо перенёс увольнение. Другой раз за разом возвращается к этой теме, поскольку однажды удачно сострил про безработицу и теперь рассчитывает на повторный успех. Первый просит прекратить. «Да ладно, мы же шутим». Кто именно «мы»? В разговоре участвуют шестеро, пятеро смеются, шестому неприятно. Но самое занятное начинается, когда шестой шутит в ответ про развод второго. Тут компания обнаруживает, что некоторые темы трогать нельзя.

И дело даже не в требованиях всеобщей деликатности. Друзья могут замечательно друг над другом издеваться, если обоим участникам это нравится. Бывают человеческие отно-

шения, в которых нежность вообще выражается несколько своеобразно. Но если для того, чтобы шутка состоялась, другому приходится терпеть неприятности, а ты сам возмущаешься при малейшей перемене ролей, неплохо бы выяснить, что именно ты называешь юмором.

В интернете участие в чужих несчастьях обходится особенно дёшево. Не надо присутствовать рядом, видеть последствия, отвечать на вопросы близких. Можно прочитать заголовок и написать, что так ему и надо. Если обстоятельства впоследствии окажутся другими, комментарий потеряется среди сотни следующих. Некоторые граждане способны за вечер вынести нравственный приговор нескольким десяткам незнакомых людей, не пропустив при этом ни одного ужина. Работают производительно.

Одно из распространённых развлечений состоит в поиске чужой глупости. Человек потерял деньги, поверив мошеннику. Под новостью немедленно собираются специалисты по финансовой безопасности. Одни уверены, что сами никогда бы так не поступили. Другие предлагают лишить пострадавшего денег ещё раз, поскольку ничего хорошего с таким интеллектом всё равно не выйдет. Особенно смешно читать эти рассуждения рядом с рекламой всевозможных способов разбогатеть за неделю. Человечество одновременно требует от окружающих исключительной бдительности и продаёт им мечту отключить её за небольшую плату.

Иногда пострадавший действительно допустил очевид-

ную ошибку. Но её очевидность после события и возможность заметить до события — не одно и то же. Да и не каждое удовольствие от осуждения имеет отношение к профилактике мошенничества. Если человек мог получить полезное предупреждение из твоего комментария, зачем для этого сообщать ему, что он идиот? Похоже, часть удовольствия достаётся не тому, кого предупреждают.

Очень уютно жить с представлением, что неприятности случаются исключительно с теми, кто недостаточно умен, осторожен или нравственен. Тогда с тобой-то, разумеется, ничего не произойдёт. Для сохранения этого представления приходится каждый раз, узнавая о чужом несчастье, обнаруживать в биографии пострадавшего соответствующий недостаток. Плохо следил за здоровьем. Не разбирался в людях. Вышел не за того. Не туда вложил деньги. У каждого несчастья непременно должен найтись персональный виновник. В мире, где люди могут пострадать даже после разумных решений, жить психологически не так комфортно.

Чужая беда иногда становится подтверждением того, что мы сами правильно устроили свою жизнь. Вот два знакомых семьи. Одни воспитывают ребёнка строго, другие мягче. Стоит ребёнку из второй семьи попасть в неприятную историю, как первая получает материал для обсуждения собственного педагогического таланта. Проблему ещё не решили, обстоятельства не выяснили, зато воспитательная система соседей уже признана ошибочной. Ребёнок об этом, ско-

рее всего, не узнает. Но если узнает, благодарить соседей за научный интерес к своему случаю вряд ли станет.

То же самое происходит в разговорах о работе, семейной жизни, здоровье. Человеку, который всю жизнь складывал деньги на банковский счёт, приятно услышать о разорившемся предпринимателе. Предпринимателю приятно увидеть, как осторожный вкладчик потерял покупательную способность сбережений. Не потому, что один непременно умнее другого. Оба предпочитают, чтобы неприятности служили доказательством достоинств выбранного ими образа жизни. У самих неприятностей на этот счёт, подозреваю, никаких намерений нет.

Иной раз злорадство удивительно долго переживает первоначальный повод. Мужчину когда-то обидел одноклассник. Прошло двадцать лет, есть семья, работа, совершенно другая компания друзей. Но стоит узнать, что у бывшего одноклассника возникли проблемы, и вечер становится приятнее. С точки зрения обидчика конфликт, возможно, давно завершён или вовсе забыт. С точки зрения второго участника произошло нечто вроде запоздалой выплаты по старому счёту. Он получил её от совершенно неизвестных людей, которые об этом счёте ничего не слышали.

Надо сказать, удовольствие от падения чужого человека не всегда требует личной неприязни. Достаточно принадлежности к определённой компании. У футбольных болельщиков поражение команды соперника вызывает радость да-

же тогда, когда их собственная команда в этот день не играла. Для спорта понятное явление. Соревнование предполагает сравнение результатов, а очки, заработанные одним участником, имеют значение для другого. Забавнее, когда примерно так начинают воспринимать целые отрасли, города, профессии и даже семьи. Наши и не наши. Если кому-нибудь из не наших плохо, полагается испытывать нечто приятное. За что именно человека зачислили в противники, можно и не уточнять.

Вот в городе закрывается предприятие. Его сотрудники и владельцы болели за разные команды, голосовали по-разному, относились друг к другу как угодно. Теперь всем предстоит решать какие-то проблемы. Человек из другого города видит новость и доволен: там, видите ли, всегда слишком много о себе думали. Если попросить его перечислить фамилии тех, кому наконец стало по заслугам, он, вероятно, затруднится. Да и не для этого он читал новость.

Когда злорадство разделяют другие люди, оно перестаёт выглядеть настолько постыдным. Один человек пишет неприятную шутку о пострадавшем. Второй смеётся, третий добавляет свою. Через полчаса в компании уже не до самого события: всем хорошо вместе. А человек, из-за которого начался праздник, мог бы исчезнуть из их жизни сразу после того, как предоставил повод.

Оно, кстати, требует постоянного обновления. Если любимый объект злорадства вдруг наладил жизнь, участники

мероприятия могут почувствовать себя обманутыми. Вот человек следил за приключениями непутёвого родственника, который постоянно брал кредиты, менял работу, разводился и снова женился. У него всегда имелось что рассказать жене за завтраком. В какой-то момент родственник перестал пить, нашёл нормальную работу и несколько лет ничего особенно драматичного не совершал. В семейной жизни наблюдателя возникла досадная информационная пустота. Теперь, чтобы поддерживать привычную беседу, приходится вспоминать события пятилетней давности.

Некоторые даже способны злорадствовать по поводу собственного прогноза. Ты предупреждал сына, что выбранная профессия ему не подойдёт. Он пошёл учиться, отчислился, вернулся домой расстроенный. Первое, что приходит тебе в голову сказать, — «Я же говорил». Собственно, это вполне может быть правдой. Ты действительно говорил. Только вот странно: человек, которому ты желал благополучия, столкнулся с неприятностью, а у тебя наконец возникла возможность продемонстрировать компетентность. В эту минуту желательно выяснить, какое из событий интересует тебя больше.

Трудно передать ребёнку опыт таким способом, чтобы он прожил всю жизнь без ошибок. Гораздо проще сделать так, чтобы в случае ошибки он не пришёл к тебе за помощью. Для этого достаточно регулярно превращать его неудачи в доказательство собственной мудрости. Рано или поздно он

начнёт справляться с проблемами в одиночку. А ты сможешь рассказывать знакомым, какая нынче неблагодарная молодёжь.

Не вижу особого смысла мучить себя за каждое возникшее злорадное чувство. Ты можешь почувствовать облегчение, узнав, что неприятный человек получил по носу, и не быть при этом обязанным ехать к нему с соболезнованиями. Не требуется изображать любовь ко всем представителям человечества. Но между удовольствием, которое тебя посетило, и решением устроить кому-нибудь ещё одну неприятность имеется расстояние. На нём и возникает вопрос об ответственности.

Если бывший коллега потерял работу, а ты в душе этому рад, от твоего переживания его жизнь сама по себе не ухудшилась. Если ты при этом звонишь его новому работодателю, чтобы напомнить о старой истории, в происходящем появился второй источник неприятностей. Ты. И здесь уже недостаточно объяснить, почему первый человек был неприятным.

Кроме того, чужое несчастье не обязано подтверждать твои представления о нём. Скупой человек может разориться, щедрый тоже. Непорядочный может заболеть, порядочный ничуть не застрахован. Иногда обидчик умирает богатым, а человек, которого он обидел, всю оставшуюся жизнь живёт бедно. Никакой специальной нравственной бухгалтерии в мире я не наблюдаю. Зато замечаю, что человек охот-

но назначает себя её сотрудником, когда результат ему нравится.

Стоит ли радоваться тому, что виновный в преступлении получил законное наказание? Я не вижу здесь противоречия. Общество должно иметь способы защиты от опасного поведения, а потерпевший вправе испытывать облегчение. Но если тебя начинает больше интересовать, как именно будет страдать наказанный, чем то, насколько защищены другие люди, разговор уже приобрёл несколько иной характер. В нём появилась возможность получить удовольствие от страдания, сохранив приличное объяснение своего интереса.

Именно эта возможность особенно характерна для человеческой нравственности. Нам не только хочется того или иного результата. Нам ещё хочется, чтобы собственное желание считалось хорошим. Если соседу неприятно, мы не просто радуемся. Мы радуемся правильно. Он этого заслужил. А когда неприятность достаётся нам, суд почему-то приходится собирать в другом составе.

Глава 5. МНЕ МОЖНО

На лестничной площадке жил замечательный борец за тишину. Он прекрасно знал, когда соседи имеют право сверлить стены, сколько времени должен занимать ремонт и почему некоторые люди не способны жить в многоквартирном доме. Однажды у него самого сломалась стиральная машина. Новую привезли вечером, установить её удалось ближе к ночи. При первом запуске машина с таким энтузиазмом принялась отжимать бельё, что сосед снизу поднялся выяснить, что происходит.

— Слушай, ну это же один раз. Нам теперь без белья ходить?

Оказывается, право шуметь по ночам обсуждать всё-таки можно. Для этого понадобилось всего лишь переселить автора запретов на другую сторону стены.

Двойные стандарты принято искать в политике, международных отношениях и телевизионных дискуссиях. Там их действительно хватает. Но есть гораздо более доступный материал, для знакомства с которым не нужно оплачивать подписку на газету. Попробуй на протяжении недели внимательно послушать разговоры о поведении людей за рулём. Когда тебя обогнали без необходимости, за рулём другого автомобиля идиот. Когда ты обогнал без необходимости, тебе виднее, как следует ездить. Даже если необходимость у вас обо-

их заключалась в желании не плестись за грузовиком.

У собственного поступка имеется одно преимущество: мы обычно знакомы с обстоятельствами его возникновения. Мы знаем, сколько спали, почему торопились, о чём думали, кто нас перед этим разозлил. У чужого поступка обстоятельства зачастую отсутствуют. Мы видим только то, что снаружи, причём главным образом последствия для себя. Поэтому рассказывать о собственном опоздании человек способен минут пятнадцать, а опоздание коллеги описывает одним словом. Безответственный.

Это не значит, что любой опоздавший заслуживает сочувствия. Бывает, что он действительно безответственный. Но если ты считаешь справедливым учитывать обстоятельства своего поступка, странно запрещать другим иметь обстоятельства. И уж совсем странно систематически считать свои уважительными, а чужие надуманными, не успев с ними ознакомиться.

Для такой избирательности не всегда требуется сознательное жульничество. Человек может совершенно искренне ощущать, что его собственный случай отличается. И он действительно отличается хотя бы тем, что последствия решений в нём распределяются между участниками иным образом. Представь, что ты занимаешь очередь в поликлинике. Перед тобой вклинивается кто-то, у кого ребёнок ждёт дома. Ты тоже не просто так пришёл, у тебя есть свои дела, и ты возмущаешься. Через месяц тебе приходится зайти в ту же

поликлинику на пять минут раньше остальных по очень важной причине. В этот раз ты отлично понимаешь, насколько разнообразна человеческая жизнь и почему формальное соблюдение правил не всегда уместно.

Причём правило о важности человеческих обстоятельств могло бы быть совершенно разумным. Нужно только договориться, какие именно обстоятельства дают право пройти первым. Вот тут-то обычно и обнаруживается, что люди охотнее обсуждают исключения, когда сами уже находятся возле двери.

В школьном дворе родители обсуждают поведение учительницы. Одна женщина возмущена, что её сына слишком сурово отчитали за разговоры на уроке. Другая через несколько минут жалуется, что дочь сидит рядом с болтливым мальчиком и не может сосредоточиться. Учительница в обоих случаях одна и та же. Её задача организовать учебный процесс. Но родительские представления об организации учебного процесса существенно зависят от расположения собственного ребёнка внутри проблемы.

Иногда стоит поговорить с учительницей прежде, чем приступать к защите интересов семьи. Может оказаться, что мальчик действительно мешал другим. А может, разговаривали все, и досталось только ему. Оба случая возможны. Вопрос в другом: согласишься ли ты с одним и тем же способом разрешения ситуации, если вместо своего ребёнка на его месте окажется соседский?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.